

**ФЕНОМЕН «РАЗБОЕВ» В РОССИИ НАЧАЛА XVII в.:
К ТИПОЛОГИИ ПОВСТАНЧЕСКИХ ДВИЖЕНИЙ***

Владимир Аракчеев

Институт истории и археологии УРО РАН,
Екатеринбург, Россия

**THE PHENOMENON OF “RAZBOY”
IN RUSSIA IN THE EARLY 17th CENTURY:
ON THE TYPOLOGY OF REBEL MOVEMENTS**

Vladimir Arakcheev

Institute of History and Archaeology,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg, Russia

This article considers the robbers' (Rus. *razboy*) movement, a social phenomenon of the early seventeenth century that has not been studied thoroughly. The author conducts a critical review of the existing historiography, providing a comprehensive analysis of the facts concerning the government's reaction to the rebel movement, the dynamics of enslavement in the lands of Novgorod, and the spread of famine in Russia between 1601 and 1603. The author puts forward a hypothesis explaining the reasons why military servitors left the suites of boyars and nobles. The heirs of a deceased master did not hire their predecessor's military servitors, nor did they agree to provide them with serfs corresponding to their status (amounting to 15 roubles). The article provides facts testifying to the low prices for bread in the patrimonies of the Kirillo-Belozersky Monastery, proving that the famine was by no means nationwide. The author proposes a new explanation for why expeditions were dispatched to

* Citation: Arakcheev, V. (2018). The Phenomenon of “Razboy” in Russia in the Early 17th Century: On the Typology of Rebel Movements. In *Quaestio Rossica*, Vol. 6, № 4. P. 972–983. DOI 10.15826/qr.2018.4.340.

Цитирование: Arakcheev V. The Phenomenon of “Razboy” in Russia in the Early 17th Century: On the Typology of Rebel Movements // *Quaestio Rossica*. Vol. 6. 2018. № 4. P. 972–983. DOI 10.15826/qr.2018.4.340 / Аракчеев В. Феномен «разбоев» в России начала XVII в.: к типологии повстанческих движений // *Quaestio Rossica*. Т. 6. 2018. № 4. С. 972–983. DOI 10.15826/qr.2018.4.340.

fight brigands in the late autumn of 1602 or in the winter of 1602–1603. In late autumn, the robbers left the forest by road, as they could no longer count on the abundance of vegetation that protected them from being noticed in summer: they stayed in their accomplices' houses, waiting for the frost to end and haggling over their trophies. The author concludes that the robbers formed a network, which meant the inclusion of peasants and townspeople into the insurgent bands. Additionally, the author compares the robbers' movement and the activity of peasant militias in 1609, emphasising the fundamental difference between the two phenomena. Relying on renegade peasants and landless labourers (perhaps the poorest) from villages and suburbs, the robbers' movement of 1602–1603 opposed communities of feudal tenants owing obligations in labour and in kind. The actions of peasant militias in 1609 were based on a key social institution of the pre-industrial era, i. e. the community, and were driven by the ideology of royal pretendership.

Keywords: early 17th-century Russian history; robbers' movement; peasant revolts; slaves; famine.

Статья посвящена изучению движения «разбоев» – слабо отразившемуся в источниках социальному явлению начала XVII в. Предпринят критический пересмотр предшествующей историографии, дан комплексный анализ фактов, касающихся правительственной реакции на движение повстанцев, динамики похолопления в Новгородской земле, территориального распространения голода в России 1601–1603 гг. Предложена гипотеза, объясняющая причины исхода военных слуг из состава свит бояр и дворян. После смерти господина наследники не брали военных слуг на службу или же не соглашались выдавать им кабалы в размере соответствующей их статусу суммы в 15 руб. Приведены факты, свидетельствующие о невысоких ценах на хлеб в вотчинах Кирилло-Белозерского монастыря и об отнюдь не национальном характере голода. Предложено новое объяснение фактам отправки экспедиций для борьбы с разбойниками поздней осенью 1602 или зимой 1602–1603 гг. Поздней осенью разбойники покидали лесные чащи вблизи проезжих дорог, где их поиск летом был осложнен обилием растительности, и останавливались во дворах своих сообщников, пережидая морозы и приторговывая трофеями своего ремесла. Сделан вывод о сетевой организации разбойничьего движения, что означало включение в состав повстанческих отрядов крестьян и посадских людей. Осуществлено сопоставление движения «разбоев» и действий крестьянских ополчений в 1609 г., сделан вывод о принципиальной разнице этих феноменов. Движение «разбоев» 1602–1603 гг., опираясь на отщепенцев крестьян и бобылей из деревень и посадов, противостояло общинам тяжелых людей. Действие крестьянских ополчений в 1609 г. основывалось на ключевом социальном институте доиндустриальной эпохи – общине и приводилось в действие идеологией самозванства.

Ключевые слова: история России начала XVII в.; движение «разбоев»; крестьянские восстания; холопы; голод.

Изучение истории повстанческих движений в России в современной науке занимает явно подчиненное положение и уступает многочисленным исследованиям по истории государственных институтов и привилегированных сословий. Однако социальное напряжение, переходящее в предельном случае в классовую борьбу, свойственно любому обществу, а для стран Европы раннего Нового времени было константным общественным состоянием. В данной статье представлены результаты исследования феномена «разбоев» в России конца XVI – начала XVII в. «Разбоями» официальные источники именовали отряды не повиновавшихся правительству людей, занимавшихся грабежами и убийствами российских и иностранных подданных.

О «разбоях» в России начала XVII в. писал еще Н. М. Карамзин, но до середины XX в. историки ограничивались пересказом 84-й главы Нового летописца «О разбойницах и о посылке на разбойников» и записок Исаака Массы. Лишь И. И. Смирнов впервые ввел в научный оборот разряд 7111-го (1602–1603) гг. о посылке воевод «за разбойники» и осуществил развернутое исследование «восстания Хлопка». И. И. Смирнов полагал, что в движении «разбоев» участвовали главным образом холопы, и считал этот феномен предвестником восстания Ивана Болотникова [Смирнов, с. 78–79]. В противовес Смирнову А. А. Зимин развернул концепцию «первой крестьянской войны» в России, начальным этапом которой, с его точки зрения, как раз и было «восстание Хлопка» 1603 г. [Зимин, с. 98].

Доказательное изучение крестьянской войны начала XVII в. на основе новых источников осуществил В. И. Корецкий. К числу правительственных мер, направленных на борьбу с разбойниками, Корецкий относил издание в 1601 г. нового уложения «по разбойным и татиным делам». Этим уложением предусматривались льготы для средних и мелких помещиков в выплате государственных налогов по строительству тюрем, содержанию тюремной администрации. В качестве примеров развернувшегося в 1602–1603 гг. массового антифеодального движения Корецкий приводил факты коллективного общинного протеста новгородских ямщиков, крестьян дворцовой Аргуновской волости, чей староста «с товарищи» был бит батогами «передо всеми волостными людьми», жалобы на разбои и грабежи в Белозерском уезде [Корецкий, с. 195–208]. Наиболее важным вкладом Корецкого в изучение проблемы «разбоев» стала находка наказа посланнику Богдану Поликарповичу, посланному на борьбу с разбойниками в город Белую и Бельский уезд. Наряду с достоверными фактами, Корецкий приводил домыслы краеведов о том, что Хлопко якобы двинулся на Москву из Комарицкой волости, и называл его восстание «генеральной репетицией восстания Болотникова» и началом крестьянской войны [Там же, с. 211–219, 234–235].

Для концепций всех трех историков было свойственно представление о грандиозном восстании, синхронно охватившем значительную территорию от Волоколамска и Вязьмы до Владимира и Рязани.

Историки связывали это восстание с недовольством царским указом 1597 г., лишившим кабальных холопов права выкупаться на свободу до смерти своих владельцев, что означало усиление закрепостительной политики. Аксиомой считается также, что восстание было спровоцировано голодом 1601–1603 гг., во время которого многие холопы были изгнаны своими хозяевами (а значит, лишены источников пропитания), однако продолжали считаться их собственностью. В своих представлениях о масштабах восстания историки исходили из того, что оно охватило центральные уезды страны – Владимирский, Волоколамский, Вяземский, Можайский, Медынский, Коломенский, Ржевский. Эти представления во многом были пересмотрены Р. Г. Скрынниковым, который доказал, что посылки дворян «за разбойники» были растянуты в течение года, начиная с осени 1602 г. Он поставил под сомнение «представления о грандиозном восстании, будто бы охватившем разом огромную территорию от Вязьмы до Владимира и от Волоколамска до Рязани» [Скрынников, с. 66–70].

Первоначально зарубежные историки не уделяли феномену «разбоев» сколь-нибудь пристального внимания. Так, крупнейший французский историк послевоенной эпохи Ролан Мунье посвятил русским «бандитам», орудовавшим летом-осенью 1603 г., один абзац своей книги и связал это явление с изгнанием рабов и крестьян своими помещиками во времена великого голода [Mousnier, p. 181]. Но Чарльз Даннинг пересмотрел ряд стереотипов по истории Смутного времени, и в частности назвал «упрощенными и вводящими в заблуждение» представления советских историков о том, что «восстание Хлопка» было предвестником восстания Болотникова или началом первой крестьянской войны. Он констатировал, что свидетельства об участии крестьян в мятеже 1603 г. отсутствуют, а большая часть повстанцев были элитными военными холопами, которых он считает профессиональными солдатами. Даннинг отверг как необоснованное предположение В. Д. Назарова о том, что крестьяне и холопы составляли в армии Болотникова особые самоуправляющиеся единицы («вольные станицы») [Dunning, p. 103–104, 265].

Особенностью историописания феномена «разбоев» является скудость письменных источников в сравнении с обширной историографической традицией: о «разбоях» писали почти все историки, начиная с Н. М. Карамзина. Сколь-нибудь существенное продвижение в понимании проблемы возможно лишь при использовании всего спектра показаний источников, содержащих не только непосредственные сведения о борьбе с разбойниками, но и данные о масштабах «Великого голода» 1601–1603 гг., о динамике оформления кабальных записей на холопов, а также описание методов борьбы с разбоями в наказе 1601–1603 гг. Существенное значение имеет и выявление типологии повстанческих движений в России на рубеже XVI–XVII вв.

Версия о том, что восстание холопов было спровоцировано голодом 1601–1603 гг., во время которого многие из них были изгнаны

своими хозяевами (а значит, лишены источников пропитания), впервые была высказана еще Авраамием Палицыным. «Во время же великого глада сего озревшеся вси, яко не мощно питати многую челядь, и начаша рабов своих на волю отпускати; и инии убо истинно, инии же лицемерством» [Сказание Авраамия Палицына, с. 107]. Палицын разделяет владельцев холопов на тех, кто честно отпускал их на волю, уничтожая «крепости», и тех, кто гнал их со двора, не освобождая от холопства в надежде восстановить свои дворни. Историки были склонны доверять современнику и очевидцу событий, хотя проверка достоверности его свидетельств крайне затруднена гибелью архива Холопьяго приказа. Как известно, кабальные книги и записные книги старых крепостей по историческому центру России, и прежде всего по Москве, погибли в огне пожара майского восстания 1682 г.

Впрочем, один царский указ дошел до нашего времени: это указ от 16 августа 1603 г. о выдаче отпускных грамот холопам, владельцы которых изгнали их во время голода без оформления отпуска на волю. Содержание этого документа предельно ясно: изгнанные во время голода холопы могли являться в Холопий приказ и требовать выдачи им отпускных грамот [Законодательные акты... Тексты, с. 71–72]. Большинство историков связывало указ с голодом 1601–1603 гг. и движением «разбоев», социальную базу которого правительство надеялось подорвать этим документом. Однако исследователи обращали внимание и на то, что он был издан, когда снимали урожай 1603 г. и голод прекратился, а сведений о практической реализации указа не обнаружено [Законодательные акты... Комментарии, с. 96].

Проверка может быть лишь опосредованной – по данным новгородских кабальных книг, сохранившихся в архиве местной приказной избы. Исследование В. М. Панеяха выявило основные закономерности и динамику похолопления и отпуска из холопства в начале XVII в. в Новгороде и на его земле. В первом полугодии «голодного» 7110 г. (сентябрь 1601 – февраль 1602) в Великом Новгороде был зафиксирован существенный прирост количества закабалений по сравнению с предыдущими годами – более чем в 1,4 раза. Гипотетически же восстановленная цифра закабалений за весь 7110 г. по сравнению с предыдущим дает прирост кабал почти в шесть раз, а количества кабальных холопов – в семь раз. По мнению В. М. Панеяха, ряды холопов пополняли лишенные средств к существованию во время голода люди, а господствующий класс изыскивал денежные средства не только для приобретения новых холопов, но и для их прокормления [Панеях, с. 155–157].

Однако в годы голода 1601–1603 гг. происходит существенное падение стоимости холопов: люди были готовы продаваться в рабство уже не за 4–5 руб., а за 2–3 руб. и даже за 1 руб. В 1602–1603 г. в Бежецкой пятине Новгородской земли однорублевые кабалы приближались к 50 % всех кабальных сделок. Кроме того, в начале XVII в. практически исчезли кабалы с максимальной суммой 15 руб., которые состав-

лялись на привилегированных холопов-послужильцев, вербовавшихся из среды дворянства [Панеях, с. 163–164]. Это явление может быть объяснено снижением спроса в «голодные» годы на слишком дорогие услуги холопов-министерялов, из которых и комплектовались отряды вооруженных слуг – «боевых холопов», по Р. Г. Скрынникову. Скрынников с доверием отнесся к рассказу Авраамия Палицына и полагал, что в результате экономических бедствий как мелкие помещики, так и землевладельцы средней руки не располагали многолетними продовольственными запасами, что и было причиной роспуска холопской дворни [Скрынников, с. 83].

Трагедия военных слуг рабского состояния заключалась, видимо, не столько в том, что их сгоняли со дворов, сколько в том, что после смерти господина наследники не брали их на службу или же не соглашались выдавать им кабалы на приличествующие их статусу суммы в 15 руб. Таким образом, резкое падение сумм служилых кабал в Новгороде косвенно подтверждает гипотезу о массовом исходе привилегированных военных слуг с господских дворов в годы «Великого голода» 1601–1603 гг. Вряд ли они столь же массово уходили в разбойники: их участие в разбоях могло быть единичным фактом, в то время как магистральная дорога вела эти деклассированные элементы в состав военных гарнизонов Юга России, где шла активная вербовка служилых людей по прибору и где могли пригодиться административные и военные навыки, приобретенные ими на службе у своих хозяев.

Наконец, необходимо привести данные о территориальном распространении голода 1601–1603 гг., который, по мнению исследователей, оказал непосредственное влияние на размах и интенсивность движения «разбоев». Уже Н. А. Горская привела данные о хлебных запасах крупнейших русских монастырей – Иосифо-Волоколамского, Кирилло-Белозерского, Спасо-Прилуцкого. Она, однако, считала, что голод 1601–1603 гг. подорвал хозяйственную устойчивость монастырей, заставляя их даже закупать хлеб для посевов и потребления. Ее выводы были существенно откорректированы З. В. Дмитриевой, которая показала, что летом голодного 1601 г. в вотчинах Кирилло-Белозерского монастыря планировали собрать не менее 15 тыс. четвертей ржи. Из ее исследования становится очевидно, что голода, сопоставимого с распространенным в центральных уездах, на Белоозере не было. Монастырь продавал хлеб в августе 1602 и весной 1603 г., причем его цена (120 денег) всего на 20 % превышала «указную» цену 1601 г., которую правительство Годунова установило для пресечения спекуляции хлебом. В эти же годы из монастырских житниц хлеб выдавался монастырским крестьянам «взаем и в денги» [Горская, с. 124–136; Дмитриева, с. 10–15]. Как стало известно из введенного в научный оборот В. И. Корецким дела о вывозе крестьянина, к декабрю 1602 г. последствия голода были преодолены и в Суздальском уезде. В хозяйстве крестьянина Потапа Денисова в начале зимы имелось

72 четверти зерна разных видов, что позволяет говорить о хорошем урожае 1602 г. и завершении голодных лет [Корецкий, с. 180–181]. Ограниченная территория катастрофических неурожаев и тяжелого голода определила и территорию движения «разбоев».

Хронология «разбоев» в Центральной России может быть определена данными как нарративных источников, так и записей разрядных книг за 1602–1603 г. о посылке «дворян за разбойники». И. Масса датировал восстание сентябрем 1603 г. и говорил о его участниках как о «крепостных холопах», а численность отряда, отправленного с И. Ф. Басмановым на его подавление, определял в «примерно сотню лучших стрельцов» [Масса, с. 71]. В. И. Корецкий и Р. Г. Скрынников выяснили, что отправленные на Волок Ламский М. Б. Шеин и А. И. Безобразов могли выполнять свою миссию в сентябре–ноябре 1602 г. По мнению Р. Г. Скрынникова, Е. В. Бутурлин и Ф. П. Акинфов, которые были отправлены «за разбойники» в Медынь, осуществляли сыск примерно в то же самое время – в сентябре–декабре 1602 г. Отправленный во Владимир «Алексей Фомин» (на самом деле, как выяснил Скрынников, А. Ф. Третьяков-Головин) «сыскавал» разбойников вместе с Т. М. Лазаревым в конце 1602 – начале 1603 г. В Вязьме, куда были направлены И. А. Татев и А. Мелентьев, сыск разбойников осуществлялся в декабре 1602 – феврале 1603 г. И. Н. Салтыков и Ф. Жеребцов вели борьбу с разбойниками на Ржеве Владимировой, по предположению Скрынникова, летом 1603 г. [Корецкий, с. 209–210; Скрынников, с. 67–69].

Точную годовую дату имеют лишь распоряжения записей разрядных книг об отправке 17 сентября 1603 г. «на Рязань» М. М. Шаховского и Б. А. Борятинского и в Пронск Я. Я. Вельяминова и И. И. Волынского [Народное движение, с. 19]. Нет достоверных данных о времени отправки в течение 1602–1603 календарного года Д. В. Туренина в Можайск и И. М. Пушкина в Коломну. Таким образом, из семи экспедиций, отправленных для борьбы с разбойниками, три должны были вести сыск летом или ранней осенью 1603 г., а четыре – поздней осенью 1602 или зимой 1602–1603 гг. Столь растянутая хронология «посылок за разбойники» подтолкнула исследователей к двум противоположным выводам: В. И. Корецкий заключил, что повстанческое движение имело гораздо большую длительность и, следовательно, масштабы, а Р. Г. Скрынников сделал вывод, что «разбои» были сугубо локальным явлением и трансформировались в значимое движение лишь на заключительном этапе. Кроме того, Скрынников, предположив, что «деревня не осталась в стороне от движения разбоев», заключил, что «источники не дают возможности определить меру участия крестьян... в восстании Хлопка» [Скрынников, с. 81].

Анализ разрядной записи должен быть дополнен исследованием наказа воеводе Богдану Поликарповичу, направленному для подавления повстанческого движения в Бельском уезде. Наказ сохранился в подлиннике, но без начальных строк, из-за чего осталась неизвестна

фамилия этого чиновника, посланного на борьбу с разбойниками в город Белую. Богдан Поликарпович должен был мобилизовать в уезде все наличные силы, включая дворян и детей боярских, стрельцов во главе с губными старостами, городовыми приказчиками и «розными приказными людьми». Процедура сыска в отношении убитых разбойниками в окрестностях сел людей включала расспрос приказчиков, старост, целовальников и лучших крестьян и пытки лучших крестьян в случае, если они «не являли про тех побитых людей». Лейтмотивом наказа является указание на главную опасность разбойничьего движения: она состояла не столько в самих разбойничьих бандах, сколько в их сетях. Сети повстанческого движения включали три элемента: «где розбойником приезд», «где розбойники станы стоят» и наличие их сообщников «в иных городах» [Народное движение, с. 20–22].

Станы разбойников могли находиться вдали от селений в безлюдной болотистой или лесистой местности, и если бы «лихие люди» опирались лишь на них, предположения Р. Г. Скрынникова и Ч. Даннинга об отсутствии свидетельств участия крестьян в движении были бы основательны. Однако в наказе, ровно так же, как и в губных грамотах и Уставной книге Разбойного приказа, особое внимание уделено двум другим элементам сетей [Памятники русского права, с. 176–188, 356–370]. Во-первых, это живущие в данном уезде «розбойники и лихие люди», «х кому с розбоев приезжают». «Лихими» эти люди, очевидно, становились после процедуры «облихования», включавшей «крепкие пытки» с использованием «огня». Во-вторых, это «розбойники и лихие люди», жившие в «иных городах», которых привозили на очные ставки с местными разбойниками и при необходимости допрашивали и пытали. В случае доказательства вины этих «оговорных людей» их предписывалось арестовывать, а «дворы их и животы переписав, запечатати» [Народное движение, с. 20–22].

Не подлежит сомнению, что коль скоро предполагаемые сообщники разбойников имели «животы» и, самое главное, дворы, которые надлежало опечатывать с целью фиксации движимого имущества и временного выхода из тягла, их соучастие в разбоях было побочным занятием. В обыденной жизни они были, скорее всего, городскими и сельскими тяглецами, то есть крестьянами и посадскими людьми. Одним словом, разбойничья сеть, даже состоявшая в большинстве своем из военных слуг-холопов, была бы не в состоянии функционировать без содействия обывателей-пособников. Весомое подтверждение этой гипотезы обнаруживается во введенном в научный оборот В. И. Корецким деле 1602–1603 гг. новгородских помещиков Кулебакиных и Ушаковых, которые обвиняли друг друга в предоставлении убежища разбойникам. По словам Кулебакиных, Ушаковы отправляли на разбой некоего Демку, а сами «розбойником у себя на дворе стан держали, и розбойники Гордюшка с товарищи у них приставали, и розбойную рухлядь к ним приносили» [Корецкий, с. 184–185]. Вне зависимости от степени правдоподобности этой версии сам факт

действий разбойничьего отряда в окрестностях Тихвинского монастыря под предводительством некоего Гордея и его взаимодействия с внешне законопослушным населением убеждает в существовании криминальной (или повстанческой) сети и на северо-западе России.

Дополнительным аргументом в пользу этой гипотезы является изложенная выше хронология посылок воевод на борьбу с разбойниками. Почему четыре экспедиции – в Волок Ламский, Вязьму, Владимир и Медынь – были отправлены поздней осенью 1602 или зимой 1602–1603 гг.? Ответ, с нашей точки зрения, однозначен: поздней осенью разбойники покидали лесные чащи вблизи проезжих дорог, где их поиск летом был осложнен обилием растительности («зеленки», по выражению времен борьбы с экстремизмом на Северном Кавказе), и останавливались во дворах своих сообщников, пережидая морозы и приторговывая трофеями своего ремесла.

Проблема, сформулированная Р. Г. Скрынниковым и Ч. Даннингом, таким образом, не исчерпывается признанием или непризнанием фактов участия крестьян в движении «разбоев» и характере этого движения как «крестьянского» или «холопского» восстания. Вторая сторона обозначенной проблемы: с какими другими примерами повстанческих движений конца XVI – XVII в. его можно сопоставить?

Первое сопоставление «разбоев» 1602–1603 гг. с повстанческим движением 1609 г. в Подмоскovie осуществил еще автор Нового летописца. Если «старейшина в разбойниках» Хлопа – это несломленный и нераскаившийся разбойник, то его антагонист – это атаман Хатунской волости Замосковной половины Московского уезда Иван Салков. Первоначально, по словам летописца, вооруженные крестьяне Салкова осуществляли «громление запасам» на Коломенской дороге, блокируя подвоз продовольствия к Москве. Лишь когда отряд Салкова вышел на Владимирскую дорогу, он оказался разгромлен в сражении на реке Пехорке войсками Д. М. Пожарского. В отличие от предводителя восстания 1603 г., Салков «с достальными людьми приидоша к царю Василию с повинною», что в глазах автора Нового летописца служило отпущению грехов этого «раскаившегося разбойника» [ПСРЛ, с. 58, 93–94].

Столь же очевидной казалась проведенная в летописи параллель и Н. М. Карамзину, на концепцию Смутного времени которого определяющее воздействие оказала идейная конструкция Нового летописца. Карамзин прямо назвал И. Салкова «вторым Хлопком», не усматривая принципиальной разницы между движением «разбоев» и действиями крестьян Хатунской волости на Коломенской и Владимирской дорогах [Карамзин, с. 201]. Публикаторы документов из русского архива Яна Сапеги отметили существенные отличия в действиях и организации этих движений. Атаман Салков был квалифицирован ими как предводитель одного из отрядов земского ополчения, подчиненного тушинскому вору, и его борьбу «с московскими царем и боярами... вряд ли... можно назвать классовой» [Русский архив Яна Сапеги, с. 302].

С нашей точки зрения, подчинение земских волостных ополчений Лжедмитрию II не является определяющим отличием действий крестьян Хатунской волости, равно как и внеклассовый характер их борьбы. Водораздел между движением «разбоев» 1602–1603 гг. и повстанческим движением в Подмоскovie в 1609 г. пролегал через способы их организации. В наказе сыщику Богдану Поликарповичу трижды делается акцент на привлечении к борьбе с разбойниками местных общин. В начале наказа Богдану предписано сыскивать разбойников и всяких лихих людей с привлечением старост, целовальников, крестьян разной владельческой принадлежности и посадских людей. По приезду в город Белую Богдану было предписано собрать, помимо приказных людей и священнослужителей, посадских старост, целовальников и из слобод «всяких людей». Наконец, при обнаружении тел «побитых людей» у деревень и сел надлежало привлечь к сыску «тех сел и деревень приказщиков, и старост, и целовальников, и лутчих крестьян» [Народное движение, с. 20–22].

Еще Р. Г. Скрынников логично заключил, что в борьбе с «разбоями» Богдан Поликарпович «должен был опереться на крестьянский мир» [Скрынников, с. 78]. Важнее, с нашей точки зрения, другая сторона проблемы: движение «разбоев» 1602–1603 гг., опираясь на отщепенцев (возможно, беднейших) крестьян и бобылей из деревень и посадов, противостояло общинам тяглых людей Белой и Бельского уезда. Будучи не в силах аккумулировать энергию мирского протеста, оно неизбежно маргинализировалось и было обречено на поражение. В отличие от «разбоев» под предводительством Хлопка, движение крестьян Подмоскovie в 1609 г. носило характер «мирского» и было неотрывно от общины. Сохранившиеся челобитные крестьян дворцовых сел Братошино и Гребнево Вохонской волости написаны от лица «мира»: в них перечисляются «лучшие люди» и староста со «своими целовальниками», осуществлявшие «мирское» управление [Русский архив Яна Сапеги, с. 306–307].

Типологически движение «разбоев» и более поздние крестьянские движения существенно отличались друг от друга. Первое в значительной степени состояло из деклассированных элементов, хотя и пользовалось поддержкой сообщников из числа тяглого населения. Второе основывалось на ключевом социальном институте доиндустриальной эпохи – общине и приводилось в действие идеологией самозванства. Приведенные факты и их интерпретации обнаруживают значительный потенциал исследования повстанческих движений в России. Несмотря на значительно более взвешенные оценки движения «разбоев» в трудах Р. Г. Скрынникова и Ч. Даннинга, от их внимания ускользнули детали, на основании которых возможно сформировать системное представление об общественных силах, решившихся на массовое неповиновение власти. Научный поиск в этом направлении в дальнейшем позволит выявить основные тенденции социальной динамики в России XVII в.

Список литературы

Горская Н. А. Товарность зернового земледелия в хозяйствах монастырских вотчин центра Русского государства начала XVII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1962. Минск : Изд-во Акад. наук Белорус. ССР, 1964. С. 124–136.

Дмитриева З. В. Хлебный бюджет Кирилло-Белозерского монастыря в начале XVII в. // Тр. Санкт-Петербург. ин-та истории РАН. Вып. 1 (17). СПб. : Нестор-История, 2015. С. 9–157.

Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века : тексты / под ред. Н. Е. Носова. Л. : Наука, 1986. 261 с.

Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века : комментарии / под ред. Н. Е. Носова, В. М. Панеяха. Л. : Наука, 1987. 260 с.

Зимин А. А. Некоторые вопросы истории крестьянской войны в России в начале XVII в. // Вопр. истории. 1958. № 3. С. 93–103.

Карамзин Н. М. История государства Российского : в 4 кн., в 12 т. М. : Книга, 1989. Кн. 3. Т. 12. 402 с.

Корецкий В. И. Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. М. : Наука, 1975. 325 с.

Кушева Е. Н. К истории холопства в конце XVI – начале XVII в. // Ист. зап. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1945. Т. 15. С. 85–95.

Масса И. Краткое известие о Московии в начале XVII в. М. : Соцэкгиз, 1937. 140 с.
Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века, 1601–1608 : сб. док. / отв. ред. Н. М. Рогожин. М. : Наука, 2003. 491 с.

Памятники русского права / под ред. Л. В. Черепнина. М. : Гос. изд-во юридич. лит., 1956. Вып. 4. 532 с.

Панеях В. М. Холопство в XVI – начале XVII века. Л. : Наука, 1975. 266 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 14 (Первая половина). СПб. : Тип. Александрова, 1910. 470 с.

Русский архив Яна Сапеги 1608–1611 годов : тексты, переводы, коммент. / под ред. И. О. Тюменцева. Волгоград : Изд-во Волгоград. филиала РАНХиГС, 2012. 688 с.

Сказание Авраамия Палицына. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1955. 356 с.

Скрынников Р. Г. Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII века. Л. : Изд-во Ленинград. ун-та, 1985. 326 с.

Смирнов И. И. Восстание Болотникова, 1606–1607. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1951. 588 с.

Dunning Ch. S. L. Russia's First Civil War: The Time of Troubles and the Founding of Romanov Dynasty. Pennsylvania : Pennsylvania State Univ. Press, 2001. 657 p.

Mousnier R. Peasant Uprising in Seventeenth-Century France, Russia and China. L. : Georg Allen and Unwin LTD, 1971. 375 p.

References

Cherepnin, L. V. (Ed.) (1956). *Pamyatniki russkogo prava* [Artefacts of Russian Law]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo yuridicheskoi literatury. Iss. 4. 532 p.

Dmitrieva, Z. V. (2015). Khlebnyi byudzheth Kirillo-Belozerskogo monastyr'ya v nachale XVII v. [The Bread Budget of Kirillo-Belozersky Monastery in the Early 17th Century]. In *Trudy Sankt-Peterburgskogo instituta istorii RAN*. Iss. 1 (17). St Petersburg, Nestor-Istoriya, pp. 9–157.

Dunning, Ch. S. L. (2001). *Russia's First Civil War: The Time of Troubles and the Founding of Romanov Dynasty*. Pennsylvania, Pennsylvania State Univ. Press. 657 p.

Gorskaya, N. A. (1964). Tovarnost' zernovogo zemledeliya v khozyaistvakh monastyr'skikh votchinn tsentra Russkogo gosudarstva nachala XVII v. [The Marketability of Grain Farming on the Farms of the Monastic Estates at the Centre of the Russian State

in the Early 17th Century]. In *Ezhegodnik po agrarnoi istorii Vostochnoi Evropy*. 1962. Minsk, Izdatel'stvo Akademii nauk Belorusskoi SSR, pp. 124–136.

Karamzin, N. M. (1989). *Istoriya gosudarstva Rossiiskogo v 12 t., 4 kn.* [The History of the Russian State. 12 Vols. 4 Books]. Moscow, Kniga. Book 3. Vol. 12. 402 p.

Koretsky, V. I. (1975). *Formirovanie krepostnogo prava i pervaya krest'yanskaya voina v Rossii* [The Formation of Serfdom and the First Peasant War in Russia]. Moscow, Nauka. 325 p.

Kusheva, E. N. (1945). K istorii kholopstva v kontse XVI – nachale XVII v. [On the History of Slavery in the Late 16th – Early 17th Centuries]. In *Istoricheskie zapiski*. Vol. 15. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, pp. 85–95.

Massa, I. (1937). *Kratkoe izvestie o Moskovii v nachale XVII v.* [A Brief News Bulletin about Muscovy in the Early 17th Century]. Moscow, Sotsekgiz. 140 p.

Mousnier, R. (1971). *Peasant Uprisings in Seventeenth-century France, Russia and China*. L., Georg Allen and Unwin LTD. 375 p.

Nosov, N. E. (Ed.). (1986). *Zakonodatel'nye akty Russkogo gosudarstva vtoroi poloviny XVI – pervoi poloviny XVII veka. Teksty* [Legislative Acts of the Russian State of the Second Half of the 16th – First Half of the 17th Centuries. Texts]. Leningrad, Nauka. 261 p.

Nosov, N. E., Paneyakh, V. M. (Eds.). (1987). *Zakonodatel'nye akty Russkogo gosudarstva vtoroi poloviny XVI – pervoi poloviny XVII veka. Kommentarii* [Legislative Acts of the Russian State of the Second Half of the 16th – First Half of the 17th Centuries. Comments]. Leningrad, Nauka. 260 p.

Palitsyn, A. (1955). *Skazanie Avraamiya Palitsyna*. [The Legend of Avraamii Palitsyn]. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 356 p.

Paneyakh, V. M. (1975). *Kholopstvo v XVI – nachale XVII veka* [Slavery in the 16th – Early 17th Centuries]. Leningrad, Nauka. 266 p.

Polnoe sobranie russkikh letopisei [The Complete Collection of Russian Chronicles]. (1910). Vol. 14 (First Half). St Petersburg, Tipografiya Aleksandrova. 470 p.

Rogozhin, N. M. (Ed.). (2003). *Narodnoe dvizhenie v Rossii v epokhu Smuty nachala XVII veka, 1601–1608. Sbornik dokumentov* [The Popular Movement in Russia in the Time of Troubles of the Early 17th Century, 1601–1608. Collection of Documents]. Moscow, Nauka. 491 p.

Skrynnikov, R. G. (1985). *Sotsial'no-politicheskaya bor'ba v Russkom gosudarstve v nachale XVII veka* [Socio-Political Struggle in the Russian State in the Early 17th Century]. Leningrad, Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta. 326 p.

Smirnov, I. I. (1951). *Vosstanie Bolotnikova, 1606–1607* [Bolotnikov's Uprising, 1606–1607]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury. 588 p.

Tyumentsev, I. O. (Ed.). (2012). *Russkii arkhiv Yana Sapegi 1608–1611. Teksty, perevody, kommentarii* [Jan Sapieha's Russian Archive of 1608–1611. Texts, Translations, Commentary]. Volgograd, Izdatel'stvo Volgogradskogo filiala Rossiiskoi akademii narodnogo khozyaistva i gosudarstvennoi sluzhby. 688 p.

Zimin, A. A. (1958). Nekotorye voprosy istorii krest'yanskoi voiny v Rossii v nachale XVII v. [Some Issues in the History of Peasant War in Russia in the Early 17th Century]. In *Voprosy istorii*. No 3, pp. 93–103.

The article was submitted on 21.09.2018